
ВЕЛИКИЕ ИМПЕРИИ МИРА

RENÉ GROUSSET

L'EMPIRE DES STEPPES

ATTILA, GENGIS-KAHN,
TAMERLAN

РЕНЕ ГРУССЕ

СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ, ПОКОРИВШИЕ МИР

ПОД ВЛАСТЬЮ АТТИЛЫ,
ЧИНГИСХАНА, ТАМЕРЛАНА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Г90

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Е.Ю. Шурлаповой*

Гроссе Рене
Г90 Степные кочевники, покорившие мир. Под властью Ат-
тилы, Чингисхана, Тамерлана / Пер с фр. В.Е. Климанова. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2020. — 527 с. — (Великие империи
мира).

ISBN 978-5-521-73195-4

Выдающийся французский историк, член Французской академии, автор целого ряда трудов по истории Азии, создал подробнейшее описание жизни Великой степи с периода античных времен до окончания XVIII века. Обладая несомненным литературным мастерством, автор создал яркую картину сражений, быта, нравов, обычаев степного народа, рассказал об условиях его существования, о расцвете и падении знаменитых и забытых династий, о своеобразии ремесел и произведений искусства. Особое место в повествовании занимают три великих азиатских кочевника — Аттила, Чингисхан и Тамерлан.

Работая над исследованием, автор привлек колоссальный объем источников европейской, китайской, персидской и других культур. В книге представлены рисунки предметов степного искусства.

**УДК 94(5)
ББК 63.3(5)**

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2020
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2020

ISBN 978-5-521-73195-4

**СТЕПНЫЕ
КОЧЕВНИКИ,
ПОКОРИВШИЕ МИР**

*Жану Дени,
замечательному знатоку тюркских народов*

Я подниму народ жестокий и необузданный, который ходит по широтам земли, чтобы завладеть не принадлежащими ему селениями. Страшен и грозен он; от него самого происходит суд его и власть его. Быстрее барсов кони его и прытче вечерних волков; скачет в разные стороны конница его; изда- лека приходят всадники его, прилетают как орел, бросающийся на добычу. Весь он идет для грабежа; устремив лицо свое вперед, он забирает пленни- ков, как песок. И над царями он издевается, и князья служат ему посмеши- щем; над всякою крепостью он смеется: насыплет осадный вал и берет ее.

Авв., I: 7—10

ПРЕДИСЛОВИЕ

Атилла, Чингисхан, Тамерлан... Их имена у всех на слуху. Рассказы западных хронистов, китайских или персидских летописцев сделали их образы популярными. Они, эти великие варвары, внезапно возникают в истории цивилизации и резко, буквально в несколько лет, превращают римский, иранский или китайский мир в груды развалин. Их появление, их мотивы, их исчезновение кажутся необъяснимыми, так что позитивистская история недалеко от того, чтобы присоединиться к мнению древних авторов, видевших в них бич Божий, насланный покарать старые цивилизации.

Однако стоит узнать их образ жизни, как сразу становится понятно, что никогда люди не были большими сынами земли, живущими по ее законам, чем они, а их мотивы и поведение легко читаемы. Степь сделала их невысокими и коренастыми. И выносливыми, поскольку они выжили в подобных природных условиях. Резкий ветер высокогорных плато, жуткий холод или страшная жара высекли их лица с узкими глазами, выступающими скулами, проредили их волосы и закалили жилистые тела. Тяготы пастушеской жизни с ее передвижениями по воле случая сформировали их психологию кочевников, а требования кочевого хозяйства обусловили их контакты с оседлым населением, менявшиеся от робких заимствований до кровавых набегов.

Так что три или четыре великих азиатских кочевника, внезапно разорвавшие течение нашей истории, являются исключениями только по причине нашего невежества. А сколько на этих троих, кому выпала удивительная судьба стать завоевателями мира, приходится аттил и чингисханов, у которых не получилось? Я хочу сказать: не получилось создать империю, включающую в себя четверть Азии, от Сибири от Хуанхэ, от Алтая до Персии, что, согласимся, и сегодня является масштабным предприятием. Я хо-

тел бы здесь вспомнить управляемый тремя персонажами, чьи имена упомянуты выше, великий народ кочевых варваров, который за десять веков истории прошел от границ Китая до границ нашего Запада.

Но сначала следует уточнить терминологию. Классический мир знал великое множество разнообразных варваров — народов, называемых так соседями. Кельты долгое время являлись таковыми для римлян, германцы для галлов, славяне для германцев. Даже будущий Южный Китай долго оставался варварской страной в глазах жителей изначального Китая, располагавшегося по реке Хуанхэ. Но поскольку во всех этих случаях речь шла о регионах, которые по своим географическим условиям были пригодны для ведения сельского хозяйства, населявшие их народы, какими бы отсталыми они ни были, постепенно переходили к этому образу жизни, так что к середине Средневековья практически вся наша Европа, Ближний Восток, Иран, Индия, Индокитай и Китай уже давно достигли одинаковой стадии материальной культуры.

Тем не менее один очень важный регион не был затронут этим движением. Это широкая полоса, протянувшаяся в центре и на севере Евразии, от границы Маньчжурии до Будапешта, степная зона, доходящая на севере до сибирской тайги. Там природные условия позволяют сельскому хозяйству развиваться лишь на нескольких островках культуры, обрекая население на бесконечное продолжение пастушеской кочевой жизни, каковую вело тысячелетия назад, в конце неолита, все человечество. Хуже того. Часть этих племен, та, что жила в лесной зоне, оставалась на уровне развития охотников мадленской культуры¹. Таким образом, степная и лесная зоны оставались заповедником варварства не потому, разумеется, что здешние народы были ниже других по интеллекту, но потому, что здесь возобновлялись и повторялись условия жизни, в других местах давно уже оставшиеся в прошлом.

Сохранение этого населения, оставшегося на стадии скотоводства, в то время как остальная Азия уже давно перешла на более высокую стадию земледелия, во многом породило драму истории. Оно создавало своего рода хронологический сбой между соседними народами. Люди из второго тысячелетия до н. э. сосуществовали с людьми XII в. н. э. Чтобы попасть от одних к другим, достаточно было приехать из Верхней Монголии в Пекин или из киргизской степи в Исфахан. Этот резкий культурный разрыв был

¹ Культура эпохи позднего палеолита (15—8 тыс. лет до н. э.), распространенная на территории Западной Европы. (*Примеч. пер.*)

чреват многими опасностями. Для оседлых жителей Китая, Ирана или Европы гунны, тюрки, монголы являлись в чистом виде дикарями, которых надо было запугать военными маневрами либо одарить какими-то безделушками или горячительными напитками, чтобы удерживать подальше от обрабатываемых земель. Что же касается кочевников, их чувства легко угадать. Бедные тюрко-монгольские пастухи, которые в засушливые годы переходили от одного полуссыякшего источника воды к другому, и так вплоть до границ Петчили или Трансоксианы, с изумлением смотрели на чудо оседлой цивилизации, на богатые урожаи, на избыточные зерном деревни, на роскошь городов. Это чудо, вернее, секрет этого чуда, терпеливую работу, требовавшуюся для создания и обустройства этих человеческих ульев, гунн понять не мог. Его влекло туда, как волка — его тотемное животное, — который снежной зимой идет к ферме, потому что чувствует за ее стенами поживу. Вот и его тысячелетний инстинкт побуждал внезапно ворваться туда, разграбить и удрать с добычей.

Выживание пастухов и охотников рядом с земледельческим населением или, если угодно, развитие все более и более богатых сельскохозяйственных обществ на глазах и при контактах с народами, оставшимися на уровне скотоводов и переживающих страшные голодные кризисы, вызываемые засухой в степи, добавляло к разительному экономическому контрасту контраст социальный, зачастую еще более жестокий. Повторяем: этот вопрос географии расселения человечества стал вопросом социальным. Взаимные чувства оседлого жителя и кочевника друг к другу — это то же самое, что отношения между капиталистическим обществом и пролетариатом, сосуществующими в современном городе. Сельскохозяйственные общества, эксплуатирующие либо плодородный желтозем Северного Китая, либо сады Ирана, либо богатые черноземы вокруг Киева, окружены бедными пастбищными зонами, зачастую с ужасными климатическими условиями, где раз в десять лет иссыкают источники воды, трава желтеет, скот вымирает, и кочевники вместе с ним.

В этих условиях периодические набеги кочевников на обработанные земли являются законом природы. Прибавим к этому, что они, тюрки или монголы, принадлежат к расе умной, уравновешенной, практичной, которая, будучи воспитана суровыми реалиями окружающей среды, естественным образом подготовлена к управлению. Так что, когда оседлые общества, зачастую деградировавшие, уступают под натиском, кочевник врывается в город и после первых часов резни без особых усилий занимает место унич-

тоженных им правителей. Не робея, он садится на самые уважаемые троны. И вот он великий хан Китая, шах Персии, император Индии, султан Рума. Он адаптируется к среде. В Пекине он становится полукитайцем, а в Исфахане или Рее — наполовину персом.

Не придумала ли судьба этот способ для примирения степи и цивилизации? Отнюдь. Неизменные законы географии человечества продолжают работать. Если китаизированный или иранизированный хан не был уничтожен в результате медленной или мгновенной реакции местного населения, то вскоре на границах его державы мы наблюдаем вынырнувшие из глубин степи новые орды, еще более голодные, чем прошлые, которые, видя в своем удачливом родиче лишь таджика или табасца — перса или китайца, — начинают делать то же самое, действуя уже против него.

Но как же получалось, что эта авантюра почти всегда увенчивалась успехом, повторяясь на протяжении тринадцати столетий — ибо прошло ровно тринадцать веков между вступлением гуннов в Лояна и вступлением маньчжуров в Пекин? Дело в том, что на протяжении всего этого времени кочевник, сильно отстававший в развитии материальной культуры, стоял на много впереди в военном деле, имея в нем огромные преимущества. Он был конным лучником. Невероятно мобильная конница неуязвимых лучников — вот техническое средство, давшее ему над оседлым жителем преимущество, практически равное тому, какое в Новое время Европе над всем остальным миром обеспечила артиллерия. Конечно, это оружие было известно и китайцам, и иранцам. В III в. до н. э. китайцы изменили свой костюм, чтобы адаптировать его для верховой езды. Что же касается Ирана, там с парфянских времен знали цену роя стрел, выпускаемых вихрем конников, уклоняющихся от ближнего боя. Но ни китаец, ни иранец, ни русский, ни поляк, ни венгр в этом отношении не могли сравниться с монголом. С детства приученный переносить долгие верховые поездки по бескрайней степи, привыкший прятаться, выжидать, обученный всем охотничьим хитростям, от которых зачастую зависело его пропитание, то есть его жизнь, в этом деле он был непобедим. Не то чтобы он часто сходил в бою с врагами, совсем наоборот, потому что, внезапно напав, он исчезал, появлялся снова, не давая противнику войти с ним в соприкосновение, досаждал ему, изнурял и в конце концов уничтожал его, выбившегося из сил, как затравленную дичь. Мобильность, универсальность использования этой конницы делали ее, когда ею командовали Джебэ или Субудай, два знаменитых полководца Чингисхана, своего рода умным